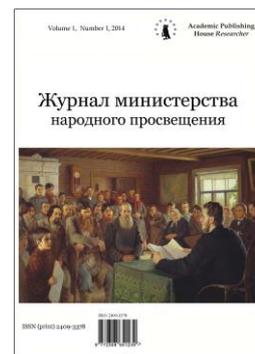

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
E-ISSN: 2413-7294
Vol. 7, Is. 1, pp. 35-44, 2016

DOI: 10.13187/zhmnp.2016.7.35
www.ejournal18.com

UDC 37.018.3-058.862:[005.962.1+005.336.2]:(477.52)«1895/1908»

The Shelter of St. Paraskeva in Sumy: to the History of Negative Pedagogical Experience of Local Charity

Dmitriy V. Kudinov

Sumy Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Ukraine
5 Rimskogo-Korsakova St., Sumy 40007
Dr (History), Assistant Professor
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Abstract

Educational and organizational activity of St. Paraskeva's shelter – an orphanage for girls in Sumy, which existed in 1895–1906. Based on archival documents from Sumy town council of the State Archive of Sumy Oblast (Ukraine) the reasons of negative organization of pedagogical process in the orphanage are found out, as well as the causes of the city authorities noneffect during long time in the of change of material and moral condition of foster children. Great attention is paid to the person of archpriest Theoctistus Lashchenkov – the main character of the conflict, spiked around the shelter, and the author of detailed notes about its existence – the main source of the information.

Keywords: Sumy town council, shelter, orphanage, orphans, tutoress, councilor, charity.

Введение

Благотворительность во времена Российской империи – довольно популярная тема исторических исследований. Как правило, авторы останавливаются на действительно положительных сторонах этого явления. Обоснованию этому служит обращение к таким источникам, как поздравительные адреса, упоминания благодетелей в некрологах, финансовые сметы и некоторые другие количественные данные, свидетельствующие о размахе филантропии. Вместе с тем, у нее нередко существовала и обратная сторона – внутренний распорядок благотворительных организаций был далеким от изначальных человеколюбивых целей. Примером этому может служить история Параскеевского убежища для девочек-сирот в Сумах Харьковской губернии.

Отрицательный опыт деятельности указанного приюта повлиял как на игнорирование в краеведческой литературе как самого факта его существования, так и, в случае упоминания убежища, какой-либо оценки педагогического процесса в нем. В частности, Параскеевское убежище совершенно не фигурирует в специализированной работе Ф. Ступака, посвященной прошлому благотворительности на Сумщине [18]. В некоторых других публикациях история данного учреждения присутствует в самом сжатом виде, ограниченном перечислением фактов: время существования приюта, имя учредительницы и капитал, пожертвованный ею, воспитательные задачи убежища [9, с. 21; 10; 11; 15, с. 37; 17, с. 100]. Исключением являются книги краеведа М. Манько, который осветил основные события из истории приюта,

несколько драматизировав при этом условия содержания воспитанниц [13, с. 184-186; 14, с. 304-305]. Более подробно деятельность убежища освещена в недавно вышедшей публицистической статье автора данной работы, в которой он акцентировал наиболее вопиющие нарушения прав ребенка [12]. В нынешнем научном изложении автор преследует цель дать более глубокий анализ организационной и педагогической деятельности руководства приюта, выяснить причины неудовлетворительного состояния воспитания сирот.

Материалы и методы

Основой исследования послужили материалы фондов Сумской городской думы и управы Государственного архива Сумской области: записка иеромонаха о. Феоктиста Лащенко – главный изобличительный источник злоупотреблений М. Сухановой на посту председателя совета Параскеевского убежища, отчеты членов упомянутого совета из числа гласных думы, протоколы ее сессий, на которых подымались вопросы, касающиеся порядков, имущества и устава приюта, сметы убежища, наконец, переписка гласных и частных лиц с городской управой.

В процессе написания статьи использовались конкретно-исторический, историко-ситуационный, логико-аналитический и описательный методы.

Обсуждение

Конец XIX века для г. Сумы являлся временем, когда благотворительность в нем приобрела поистине массовый и всеохватывающий характер. Пауперизм сумская общественность старалась преодолеть собственными силами, по возможности не прибегая к государственным субсидиям. Образование в городе Общества попечения о бедных, поставившее своей целью «искоренить нищенство», Сумского комитета харьковского общества распространения в народе грамоты, приюта для девочек сирот Н. Харитоненко, детской больницы, в которой детям в возрасте до 12 лет предоставлялась бесплатная медицинская помощь, назначение именных стипендий учащимся в средних учебных заведениях, определение денежной помощи городской богадельне и многие другие благотворительные мероприятия. Все эти инициативы заменяли недостающие элементы государственной социальной политики и свидетельствовали о способности городской общины реагировать на вызовы времени, не прибегая, правда, к пересмотру основ хозяйственной жизни и причин дисгармонизации отношений труда и капитала. Благотворительность в качестве свидетельства исполнения морального долга становилось устойчивым типом поведения не только для состоятельных горожан, но и для представителей среднего класса. Нарушение корпоративной этики в этом случае формировало негативный имидж делового человека и отражалось на отношении к нему со стороны «общества». Примером утраты доверия с его стороны служит история заведения М. Сухановой.

Мария Михайловна Суханова (в девичестве Смирнова) родилась в семье купца г. Тима Курской губернии в 1829 году. В 1851 г. она вышла замуж за обоянского купца 3-й гильдии Дмитрия Ивановича Суханова (1825–1890). Вскоре молодая семья переехала в Сумы, где Дмитрий Суханов вместе с Иваном Харитоненко занялся бакалейной торговлей. Несколько раз Дмитрий Иванович избирался городским головой, а также занимал ряд общественных должностей. На собственные средства он реконструировал соборную Преображенскую церковь в Сумах, а также профинансировал создание при Сумском тюремном замке Александро-Невской церкви, школы, библиотеки и благоустройство городской пожарной части. Продолжателями семейной традиции благотворительности после смерти Дмитрия Ивановича стали его супруга и племянник Николай Суханов, завершивший перестройку собора в Сумах [1, с. 32-34; 9, с. 17-20; 11].

Известно, что первым опытом призрения детей со стороны Сухановой стала организация временного приюта для семи нищих мальчиков-сирот, переведенных к началу 1896 г. на попечение Сумского общества попечения о бедных [4, л. 87]. Название нового учреждения «Параскеевское убежище» связано с именем приемной дочери Сухановых Прасковией, умершей от чахотки в 1894 г. [10; 16] Убежище не было первым подобным заведением в Сумах. Несколькими годами ранее по инициативе Натальи Харитоненко в

городе уже был образован приют для девочек-сирот. Дмитрий Суханов в свое время пожертвовал на него 25 тыс. руб. для выдачи пособия выпускницам заведения, а Николай Суханов состоял его «почетным старшиною». Очевидно, пример Н. Харитоненко вдохновил на педагогическую инициативу и М. Суханову.

Параскеевское убежище руководствовалось в своей деятельности уставом, утвержденным министром внутренних дел 10 ноября 1895 г. В приют принимались девочки возрастом от 6 до 7 лет (круглые сироты и незаконнорожденные; не более 20 человек). По достижению 16 лет воспитанницы устраивались в услужение, при этом руководство убежища обязывалось и в дальнейшем оказывать им «нравственную поддержку, а до приискания места и материальную, давая помещение и стол в убежище». В объеме программы народных училищ девочкам преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика и чистописание. Преуспевающим в трудовой подготовке предлагалась дальнейшая профессиональная подготовка в специализированных мастерских. При всем при этом оговаривалось, что «воспитание должно быть самое простое, приуроченное к условиям и потребностям местной жизни, и имеет целью образование из воспитанниц хорошей домашней прислуги». Соответственно этой цели девочек привлекали к работе по дому, а также обучали рукоделию (пошив белья и одежды, стирка, кулинария, молочное хозяйство, уход за садом и огородом).

Заведывание убежищем вверялось особому совету в составе учредительницы, трех членов, избираемых городской думой на год (в 1896 г. ими были гласные думы П. Гриненко, И. Сазанов, А. Рихтер; в 1897 г. – Д. Величко, П. Черняев и Т. Костюков; в 1898 г. – И. Кобзаренко, Т. Костюков и М. Тарарум; в 1899 г. – В. Бырченко, Н. Де-Коннор, А. И. Овчаренко), законоучителя убежища Александра Церковницкого и законоучителя Сумской Александровской гимназии протоиерея Феокиста Лащенкова. Причем за последними двумя лицами членство в совете закреплялось пожизненно. В обязанности совета входили прием детей в убежище, попечение о воспитанницах и выпускницах, составление годовых отчетов и смет, содержание в исправности зданий, обращение от имени заведения к частным лицам и учреждениям, а также «рассмотрение всех вообще вопросов, касающихся убежища». Административный контроль за деятельностью убежища осуществляла городская дума, а педагогический – инспектор народных училищ в Сумском уезде [19].

Приют разместился в полутораэтажном доме в т. н. «Сухановской даче» на Новом Месте. В верхнем этаже дома имелись четыре комнаты, передняя и домашняя церковь, а также два отделения в подвальном этаже. В 1898 г. в нижнем этаже на средства учредительницы было заново устроено отопление для всего дома по системе Быкова. Рядом располагались: полутораэтажный деревянный штукатуренный дом на каменном фундаменте, каменный дом с мезонином, флигель с пекарней, кухней, подвалом и столовой для воспитанниц, два сарая, артезианский колодец с насосом и маховым колесом. Стоимость всех построек составляла 30 тыс. руб. [7, л. 26-27].

На содержание приюта М. Суханова пожертвовала 5000 руб. и еще 10000 руб. на устройство при нем церкви. Обе эти суммы были определены учредительницей на т. н. «вечный вклад» в Комиссию погашения долгов Государственного банка: с 1 мая 1896 г. и с 1 мая 1897 г. соответственно. Существовало же убежище за счет процентов с него. В описи имущества за 1899 г., поданной казначеем приюта А. Овчаренко, значились два билета государственной комиссии погашения долгов на обе суммы с купонами в 1000 и 200 руб., свидетельства 4% государственной ренты на различные суммы, счета Сумского отделения Государственного банка по продаже 5 свидетельств на общую сумму 1938 руб. Помимо этих средств убежище также располагало небольшой суммой на книжке сберкассы того же банка [2, л. 10-11, 21, 53].

В целом, материальная база приюта свидетельствовала о серьезном начинании, а инициатива М. Сухановой было радушно принято общественностью. Городской голова В. Краснянский на заседании думы 30 декабря 1896 г. подытожил первый год существования убежища собственным впечатлением о недавнем его посещении: «я нашел там 14 воспитанниц, которые своим внешним видом произвели на меня самое отрадное впечатление. Дети здоровы, веселы, накормлены, одеты, присмотрены и очень хорошо помещены. Поэтому всякий, кто знает ту среду и то положение, из которых дети поступили в

убежище, неизбежно проникнется чувством самой высокой сердечной признательности учредительнице М. Сухановой и тем, кто помогает ей в святом деле спасения несчастных детей от материальной и нравственной гибели» [5, л. 11].

Впрочем, оптимизм градоначальника уже тогда разделяли далеко не все, что можно заключить из пространственного заявления Ф. Лащенко в думу в конце 1898 г. По его мнению, уже первый состав совета допустил ошибку, избрав Суханову в качестве председателя, что обеспечило проявление с ее стороны самовольства: 1) она не только проигнорировала необходимость переизбрания в эту должность при повторных выборах в совет, но и самостоятельно, без уведомления директора народных училищ назначала начальниц убежища, швей по профессии, причем первую из них, г-жу Бочарову, затем без объяснения причин отстранила от должности; 2) совет под ее руководством собирался на совещания крайне редко, иногда по прошествии 9 месяцев, несмотря на желание его членов встречаться не реже чем раз в два месяца; 3) без согласия совета произвела перепланировку учебного корпуса приюта [7, л. 17-20].

Попытки отстоять нормы устава убежища не увенчались успехом. В результате, все три члена совета из числа гласных не пожелали переизбираться на второй срок. Пополнившие его новые резиденты оказались людьми уступчивыми: «давая преувеличенное значение капиталу, пожертвованному г-жой Сухановой на устройство убежища, ради которого, по их мнению, не следует стеснять ее самоличных распоряжений», они согласились на кооптацию в совет ее брата купца К. Смирнова, вопреки уставу избрали его секретарем и вывели из совета А. Церковницкого. Проигнорировали гласные и прецедент увольнения учредительницей Бочаровой. Возмущение Лащенко против этих действий привело к его открытой вражде с Сухановой. Эмоции выходили за рамки приличий и приводили к весьма некрасивым сценам выяснения отношений [7, л. 17-21].

Когда беспокойство относительно царящих в убежище порядков охватило и гласных городской думы нового созыва (1898–1901), Суханова не стала идти на попятную и предприняла ответные меры. Сперва в марте 1899 г. она официально передала ведение всех дел, в т. ч. по Параскеевскому убежищу, К. Смирнову, как своему доверенному лицу. Последний тут же затребовал от городской управы «копии за скрепой» сметы на 1897 г. составленной членами совета приюта якобы без участия председательницы, заявления Лащенко, недавно рассмотренного думой, постановления думы по данному вопросу и ряд других документов, касающихся убежища, необходимых, как утверждал проситель, «для представления на Высочайшее Имя просьбы о закрытии убежища и возврате жертвы». Однако данное извещение оказалось имитацией ликвидации приюта. Получив требуемые документы, Суханова в июне того же года известила городского голову В. Золотарева о том, что она повторно вступает в обязанности попечительницы и председательницы совета Параскеевского убежища. Основанием для этого послужил новый устав, который, как выяснилось, втайне от думы был разработан, подан на утверждение в МВД и утвержден его руководителем [2, л. 1-3, 7].

Новый устав приюта соотношение прав городской думы и его учредительницы изменял в пользу последней. Если прежний базовый документ заведывание убежищем «вверял особому совету», в котором за попечительницей не признавались особые полномочия, то по регламенту 1899 г. управление делами и хозяйством убежища всецело вверялось Сухановой. Более того, ей предоставлялось право передать свое звание и управление приютом другому лицу по своему усмотрению. Отныне составление сметы и отчеты по содержанию заведения, журналы заседаний совета предоставлялись на учреждение только Сухановой. Она же председательствовала на собраниях совета, осуществляла прием педагогов и служащих на работу, фактически самостоятельно распоряжалась имуществом приюта, вопросами приобретения или продажи недвижимости, назначала время совещаний совета и определяла их повестку. Отныне городская дума утратила не только возможность «влиять на правильную постановку дел убежища», но и требовать от учредительницы при недостаточности процентов с внесенного капитала компенсировать недостаток финансов на содержания убежища из ее средств [20].

Все это стало неприятным известием для думцев, резонно оценившей поведение Сухановой как проявление неуважения к городской власти. Казначей убежища и гласный думы А. Овчаренко признавал, что новый устав «произвел деморализацию между членами

нынешнего совета, положительно отказывающихся принять от меня бумаги и деньги» [2, л. 9]. В результате, члены управы не нашли необходимым лично встретиться с учредительницей приюта и отправили все требуемые бумаги и деньги по почте.

Причинами начавшегося противостояния между думой и частью городской общественности, с одной стороны, и Сухановой, с другой, послужила абсолютно неудовлетворительная постановка организационной и учебно-воспитательной деятельности в приюте. В первую очередь, критики отмечали неудовлетворительное финансирование заведения. С самого начала существования убежища его основательница наметила тенденцию устанавливать смету в сумму не превышающую 2000–2200 руб., что с учетом роста процентов с «вечного вклада» давало рост остатка, но сохраняло дефицит фактически по всем статьям необходимых расходов. Например, в 1899 г. для приюта ожидалось получение прихода в виде процентов на основной капитал по билету Государственной комиссии погашения долгов 2000 руб., по четырем рентам, приобретенным на неизрасходованный капитал процентов – 140 руб. С остатком от минувшего года годовой бюджет заведения составлял 5729,8 руб., но учредительница сократила его расходную часть до 2161 руб. с оговоркой прибавить к этой сумме на покупку дров, овощей и одежду из собственных средств 646 руб., что все равно было недостаточным. При этом разумные доводы членов совета о необходимости значительно увеличить сумму расходов (в смете на 1897 г. – на 1630 руб.) не принимались учредительницей во внимание. Более того, склоняясь к разного рода уверткам, она стремилась обойти мнение критиков. Например, отправку сметы 1897 г. на утверждение думы минуя совет Суханова объяснила невозможностью собрать его членов или их нежеланием утвердить бюджет, что не соответствовало действительности. У тогдашнего городского головы В. Краснянского это вызвало сожаление («недоразумения, возникшие между учредительницей убежища и членами совета по вопросу о составлении сметы представляются явлением очень нежелательным»). Вставая на защиту гласных, он счел необходимым деликатно отказать просительнице в ее просьбе, и посоветовал Сухановой, «не давая места каким бы то ни было, хотя бы и очень хорошим, побуждениям духовного свойства», все же рассмотреть смету на заседании совета [5, л. 11, 20].

Тревогу гласных вызвал, в первую очередь, вопрос обеспечения воспитанниц продовольствием. По указанной смете на эту статью расходов девочкам и прислуге выделялось 300 фунтов ржаной муки, 80 пудов пшена, 10 пудов круп, 10 пудов сала, 20 пудов говядины, 400 штук тараны и «приварочных овощей» на сумму в 30 руб. Заправлять еду предполагалось дешевым конопляным маслом. Таким образом, в месяц на каждую девочку без учета питания прислуги приходилось 1330 гр мяса, 660 гр сала и полторы штуки рыбы. Подобные цифры находим и в смете на 1899 г. с той только разницей, что количество пшена сокращено на 20 пуд., а увеличенным оказался лишь отпуск рыбы. Справедливым замечанием служило и то, что сиротам редко давали молоко, поскольку учредительница отказалась от его закупки, а получать ценный продукт дети могли только от двух коров при Сухановской даче. По заключению гласных В. Бырченко и А. Овчаренко, посетивших весной 1899 г. убежище, «питание детей скудное – они редко едят приварок со свежим мясом, чаще с солониной или салом, молоко получают не всегда, на завтрак же часто дается им картофель с солеными огурцами, а в постные дни стол их, естественно, еще более скудный и менее питательный» [6, л. 54].

Замечания касались и остальных статей расхода убежища – отопления, освещения, одежды и обуви. В частности, члены совета выяснили, что дрова «преимущественно ракитовые, осокоревые и при том сырые» заготовлены в недостаточном количестве, и к тому же в основном они нарублены из парка убежища. Таким образом, указанная в смете 1897 года сумма 240 руб. на отопление была, по всей видимости, фиктивной. Крайне недостаточной было признано и покупаемое количество мыла и свечей. Судя по всему, дети не только редко мылись, но и вынуждены были заниматься и отдыхать зимой при тусклом свете.

Весьма скудные средства выделялись на обмундирование. Например, в смету 1897 г. совершенно не вносились средства на одежду или ее ремонт; предполагалось лишь пошить девочкам самые простые башмаки по 2 руб. за пару. Правда, уже в 1899 г. учредительница выделила 50 руб. с целью покупки одежды и на такую же сумму – на ее починку, но и эту сумму никак нельзя признать удовлетворительной. Хотя тут же в смете Суханова и

указывала на то, что «полное обмундирование и вся нужная обстановка учредительницей сделаны на ее собственный счет и расход для этой надобности не предвидится», из-за отсутствия правильного учета дополнительных расходов в убежище и непорядочности Сухановой, принимать ее слова на веру не приходится [5, л. 25-26; 7, л. 23-25].

Само помещение приюта оказалось непригодным для обеспечения нормального процесса обучения. Капитальная перестройка учебного корпуса в 1898 г. не привела к улучшению планировки. «Безо всякой надобности, – жаловался Лашенков, – г-жа Суханова расширила домовую церковь, которая теперь и занимает большую половину всего здания; между тем как для классной и рабочей комнат, где дети проводят целый день, она отвела две небольшие комнаты в два окна каждая, обращенные на северо-запад и причем разделенных третьей небольшой комнатой, отданной ею под помещение совершенно постороннему лицу. Бывшая прежде в этом же здании детская спальня перенесена теперь в отдаленный флигель, соседний с усадьбой г. Денисенко. Можно себе представить, как удобно бедным детям в осеннюю и зимнюю пору переходить чрез весь двор из рабочей комнаты и обратно!» [7, л. 20]. То же в своем докладе думе осенью 1899 г. отмечали гласные В. Бырченко, А. Овчаренко, Н. Де-Коннор: «помещение для призреваемых в убежище детей далеко не отвечает самым скромным требованиям гигиены, световых условий и кубического содержания в них воздуха... ни одна из комнат, предназначенных для 20-ти детей и надзирательницы для занятий, принятия пищи и отдыха, не может по своим небольшим размерам заключить в себе необходимое содержание воздуха на каждого человека по 1,5 саж²... столовую заменяет кухня в подвальном этаже, не вполне светлая и крайне тесная... тогда как церковь без особенной нужды занимает чуть ли не большую половину главного дома» [6, л. 54].

Правила, установленные в приюте Сухановой, ущемляли не только положение детей, но и персонала приюта. Здесь самым высокооплачиваемым сотрудником была начальница и учительница в одном лице с годовым жалованием 240 руб. против 400 руб., оговоренных в смете, т. е. заработком намного ниже уровня только приступившего к педагогической практике учителя народного училища. В 120 руб. по отдельности оценивались услуги кухарки, прачки и дворника. В дальнейшем и эти ставки были пересмотрены: в смете 1899 г. оплата труда надзирательницы оказалась уменьшенной до 200 руб., нанятая отдельно учительница получала жалование всего в 150 руб., вдвое сокращена оплата труда кухарки, и почти наполовину – дворника. Вместо постоянной прачки приглашалась поденная, которой платили всего 12 руб. в год. При этом Суханова в отношении к прислуге и педагогам не делала различия – все это были ее подчиненные, от которых требовалось беспрекословное повиновение ее воле и согласие на низкооплачиваемый труд [7, л. 24-25].

Описанному подходу к организации призрения и воспитания детей вполне соответствовала постановка образования и развития детей. Вопреки норме устава Суханова принимала в приют девочек в возрасте от 3 лет, что ставило ребром вопрос об организации правильного дошкольного воспитания, обеспечить которое заведение не имело никакой возможности.

Не вполне здраво осуществлялось религиозное образование, осуждаемое даже протоиереем Лашенковым: «Желая воспитать в детях любовь к молитве, г-жа Суханова обременяет их продолжительными и частыми обязательными поклонами, чем может достигнуть совершенно противоположного результата. Так, кроме присутствия на богослужениях, во все воскресенья, праздничные, высокаторжественные дни, по субботам, каждый месяц 20 числа (в который умерла ее дочь, а в Великий пост еще и на двух акафистах – во вторник и пятницу), они ежедневно на утренних и вечерних молитвах должны положить 18 земных поклонов, в том числе одних заздравных и заупокойных 10. В некоторых молитвах встречаются и вставки собственных измышлений учредительницы. Самое чтение молитв бывает хором всеми 20 девочками – нововведение странное, которое также не может быть одобрено» [7, л. 19]. Религиозная чрезмерность касалась и уроков вокала: «учитель пения обременяет детей изучением таких песнопений, какие необязательно знать и для воспитанников духовных семинарий..., для чего употребляется им такой педагогический прием: сначала он пишет песнь на классной доске, а они, 7-8 летние дети, должны списать ее на карточках и в свободное от занятий время долбить наизусть» [7, л. 19].

Стремление привить детям благочестие контрастировало, по словам Лащенко, с царящей в приюте деперсонализацией: «Все дети убежища не назывались в нем именами, данными каждому при крещении, а были занумерованы как вещи – первая, вторая, пятая, десятая и прочее по времени поступления их в убежище и только с нынешнего 1898 года, когда по моему настоянию в совете заведен был впервые классный журнал, дети записывались в нем с именами и фамилиями» [7, л. 19].

Особый упор педагоги убежища делали на трудовое обучение воспитанниц, что было связано с экономией средств на услугах техперсонала: уборка помещений, стирка белья, уход за садом и огородом, расчистка территории Сухановской дачи после перестроек. Очевидно, эти же соображения ложились и в основу устава приюта, предполагавшего прием заказов на различные работы, оплата которых, правда, пополняла фонд пособий для выдачи выпускницам [19, с. 6].

Учитывая малый образовательный ценз педагогов, можно с уверенностью утверждать о низком уровне методики начального обучения в убежище. На безответственное отношение к учебному процессу указывает и тот факт, что Суханова часто отвлекала детей от занятий в будничные дни и даже произвольно приостанавливала на несколько дней занятия. Отсутствовало разделение детей на возрастные группы – дошкольники помещались в классе вместе с подростками, что создавало только трудности в освоении материала как младшими, так и старшими детьми. Очевидно, неудовлетворительно убежище было обеспечено учебным оборудованием и материалами. В смете на 1899 г. на канцелярские принадлежности и учебные пособия предполагалось потратить 13 руб. [7, л. 19, 25].

Пожалуй, самым вопиющим способом экономии на детях являлось преступное отношение к здоровью детей в убежище. Уже на втором году существования приюта врач М. Левицкий отказался от работы в нем, ввиду того, что его предписания игнорируются учредительницей, отказывавшейся оплачивать рецепты. После этого случая Суханова отказалась от услуг медиков и ограничила лечение детей с помощью домашних средств. Мало изменилась к лучшему ситуация в последующие годы. По смете 1899 г. расход на медикаменты вместе с «непредвиденными расходами» составил всего лишь 50 руб. В этом году в приюте уже числился врач, но приглашался он крайне редко и исключительно по инициативе отдельных членов совета без ведома попечительницы [6, л. 54; 7, л. 19, 24-25].

Отсутствие правильного медицинского контроля не могло не сказаться на состоянии здоровья подопечных Сухановой. В 1898 г. в приюте произошла вспышка кори. Когда для осмотра был допущен врач Остапенко, он также обнаружил у восьми девочек и у начальницы Бочаровой трахому. В следующем году в приюте по той же причине попустительства разразилась оспа. Воспользовавшись отсутствием Сухановой, совет отправил всех заболевших в детскую больницу св. Зинаиды, где выяснилось, что воспитанницы, помимо указанной инфекции, страдали целым набором хронических заболеваний, «застарелых до того, что у трех девочек утолщенная селезенка достигала нижней части живота». После этого совет распорядился «давать чаще в пищу призреваемым детям свежую говядину и молоко, на завтрак же готовить им горячий кулеш, что исполнялось затем по возвращении из Петербурга и учредительницею убежища до получения на месте известия об утверждении вновь исходотайственного ею устава». Не удивительно, что при всех указанных неблагоприятных условиях большинство девочек, по словам гласных В. Бырченко, А. Овчаренко, Н. Де-Коннора, «имело вид заморенных, малокровных», в среде которых заболевания «составляли обычное явление» [6, л. 54-55].

Выявленные нарушения не могли не сказаться на дальнейшей судьбе воспитательного заведения. Гласные отмечали, что новые правила «отдают убежище всецело в личное распоряжение учредительницы», «не представляют равно никаких прав думе», «что учредительница ничуть не озабочена улучшением положения Убежища». Наконец, городские представители пришли к единодушному мнению, что лучшим решением для приюта являлся бы его перевод в Ведомство учреждений Императрицы Марии. Ввиду изложенного городская дума на заседании 24 сентября 1899 г. постановила членов совета убежища, «ввиду пассивного положения, которое они должны занять, от думы не избирать» [6, л. 17]. Через четыре года дума наконец добилась расформирования приюта: совет возбудил ходатайство о закрытии убежища, а управа приступила к описи его

имущества. Наконец, 25 марта 1906 г. император постановил «передать усадьбу с имуществом и капиталом Параскеевского Убежища для девочек-сирот Сумскому Городскому Общественному Управлению на предмет устройства больницы для преимущественного пользования в ней больных и раненых воинов». По всей видимости, этот акт прекратил юридическое существование учреждения, тогда как девочки уже как три года были переведены в приют Харитоненко или же отчислены. Впрочем, существующий на этот счет пробел в документах не дает основания говорить об этом определенно.

Несмотря на то что город добился исключения усадьбы убежища из описи Сиротского суда и обращения «вечного вклада» в срочный, Суханова по-прежнему продолжала жить в помещении приюта. Еще в 1903 г. она предложила управе выплатить денежную компенсацию за согласие закрепить усадьбу в ее собственность. Данное предложение нашло поддержку гласных думы, постановивших в октябре 1906 г. принять предложение Сухановой, «возбудить ходатайство об изменении Высочайшего повеления» и отвести для устройства больницы более подходящее место.

Планы на предмет имущества убежища вновь изменились после смерти Сухановой 10 сентября 1907 г. В 1908 г. все его движимое и недвижимое имущество бывшего было изъято и принято на баланс города. Тогда же при посредничестве сумского предпринимателя П. Харитоненко управа приобрела и капитал приюта. Наконец, в следующем году в Петропавловскую и Николаевскую церкви были переданы имущество и утварь домового приюта. Устройство же госпиталя на территории убежища откладывалось вплоть до начала Первой мировой войны [2, л. 67-68; 3; 8, л. 7-8].

Заключение

Следует признать, что причины неудачной организации Параскеевского убежища и его закрытия лежат вне вопроса финансового достатка Сухановой. Капитальные средства приюта и щедрое субсидирование домового приюта свидетельствовали о достаточном материальном ресурсе. Впрочем, это не исключало «гобсековский» стиль ведения дел. Все что происходило в стенах Параскеевского убежища несло на себе отпечаток личности самой Сухановой. Скардность, мелочность, авторитаризм и религиозный формализм попечительницы играли самую отрицательную роль в педагогическом мероприятии.

Также следует согласиться с мнением Лашенкова, что ответственность за бедственное положение девочек в приюте следует отнести на счет депутатского корпуса думы, длительное время не желавшего портить отношения с вдовой именитого сумчанина («не стеснять деятельность учредительницы, принесшей такую щедрую жертву на доброе дело») и выбиравшего из своей среды членов совета, безучастно относившихся к деятельности убежища. Толика претензии относится и к педагогическому начальству, не удосужившемуся проверить состояние учебно-воспитательной части заведения Сухановой, а, следовательно, не обеспечившего со своей стороны правильного педагогического подхода к его работе.

История Параскеевского убежища наглядно свидетельствует, что манифестация благотворительности и стремление осуществить доброе начинание сами по себе еще не обеспечивают положительный результат. Инициатива, лишённая настоящей духовной основы и профессионализма может оказаться губительной и остаться не оценённой современниками, так потомками, что, собственно, и произошло с детищем Марии Сухановой.

Примечания:

1. Близнюк А.М., Подоляка Н.С. Почесні громадяни міста Суми. Суми: СВС Панасенко І.М., 2015. 168 с.
2. Государственный архив Сумской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 53. 68 лл.
3. ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 119, 19 лл.
4. ГАСО, ф. 354, оп. 1, д. 13, 119 лл.
5. ГАСО, ф. 354, оп. 1, д. 16, 69 лл.
6. ГАСО, ф. 354, оп. 1, д. 19, 70 лл.
7. ГАСО, ф. 354, оп. 1, д. 20, 54 лл.
8. ГАСО, ф. 354, оп. 1, д. 29, 89 лл.

9. Иванова В. Сухановы: семья сумских благотворителей // Архифакт. 2008. № 5. С. 16-22.
10. Кныш Н.В. За что наказали Суханова водочной этикеткой? // Ваш шанс. 1994. № 38. С. 9.
11. Козлов А.Н. Сухановы: сумская ветвь / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://daso.sumy.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=79&Itemid=81.
12. Кудинов Д. «Дом господский, а обиход сиротский»: безрадостное детство воспитанниц Параскеевского убежища госпожи Сухановых // Ваш шанс. 2016. № 8. С. 20-21.
13. Манько М.О. Суми та сумчани у документах сучасників. Книга перша (1655-1919). Суми: «Мрія-1» ТОВ, 2005. 388 с.
14. Манько М.О. Суми та сумчани у документах сучасників. Книга друга (1655-2008). Суми: «Мрія-1» ТОВ, 2008. 436 с.
15. Приходько А.А. К истории развития винокурения на Слобожанщине // Сумська старовина. 1997. № 1. С. 33-40.
16. Росточкая В. Возьмите крест на содержание! // Ваш шанс. 2014. № 42. С. 5а.
17. Сергиенко М.В. Путешествие с дилетантом, или Мой Дом в интерьере Троицкой. Сумы: ИД «Фоллигрант», 2012. 120 с.
18. Ступак Ф.Я. З досвіду соціально-добродійної діяльності на Сумщині // Матеріали п'ятої Сумської історико-краєзнавчої конференції (20-21 листопада 2003 р.). Суми: СумДПУ ім. А.С.Макаренка, 2003. Ч. III. С. 88-92.
19. Устав Параскеевского убежища для девочек-сирот в г. Сумах. Сумы: Типо-литография К.М. Пашкова, 1896. 8 с.
20. Устав Параскеевского убежища для девочек-сирот в г. Сумах. Сумы: Типо-литография К.М. Пашкова, 1899. 7 с.

References:

1. Blyznyuk A.M., Podolyaka N.S. Pochesni hromadyany mista Sumy. Sumy: SVS Panasenko I.M., 2015. 168 s.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Sumskoy oblasti (GASO). F. 1. Op. 1. D. 53. 68 ll.
3. GASO, f. 1, op. 1, d. 119, 19 ll.
4. GASO, f. 354, op. 1, d. 13, 119 ll.
5. GASO, f. 354, op. 1, d. 16, 69 ll.
6. GASO, f. 354, op. 1, d. 19, 70 ll.
7. GASO, f. 354, op. 1, d. 20, 54 ll.
8. GASO, f. 354, op. 1, d. 29, 89 ll.
9. Ivanova V. Sukhanovy: sem'ya sumskikh blagotvoriteley // Arkhifakt. 2008. № 5. S. 16-22.
10. Knysh N.V. Za chto nakazali Sukhanova vodochnoy etiketkoy? // Vash shans. 1994. № 38. S. 9.
11. Kozlov A.N. Sukhanovy: sumskaya vetv' / [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://daso.sumy.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=79&Itemid=81.
12. Kudinov D. «Dom gospodskiy, a obikhod sirotskiy»: bezradostnoe detstvo vospitannits Paraskееvskogo ubezhishcha gospozhi Sukhanovykh // Vash shans. 2016. № 8. S. 20-21.
13. Man'ko M.O. Sumy ta sumchany u dokumentakh suchasnykiv. Knyha persha (1655-1919). Sumy: «Mriya-1» TOV, 2005. 388 s.
14. Man'ko M.O. Sumy ta sumchany u dokumentakh suchasnykiv. Knyha druha (1655-2008). Sumy: «Mriya-1» TOV, 2008. 436 s.
15. Prikhod'ko A.A. K istorii razvitiya vinokureniya na Slobozhanshchine // Sums'ka starovina. 1997. № 1. S. 33-40.
16. Rostotskaya V. Voz'mite krest na sodержan'e! // Vash shans. 2014. № 42. S. 5а.
17. Sergienko M.V. Puteshestvie s diletantom, ili Moy Dom v inter'ere Troitskoy. Sumy: ID «Foligrant», 2012. 120 s.
18. Stupak F.Ya. Z dosvidu sotsial'no-dobrochynnoi diyal'nosti na Sumshchyni // Materialy p'yatoyi Sums'koyi istoryko-kraeyznachoyi konferentsiyi (20-21 lystopada 2003 r.). Sumy: SumDPU im. A.S. Makarenka, 2003. Ch. III. S. 88-92.
19. Устав Параскеевского убежища для девочек-сирот в г. Сумах. Сумы: Типо-литография К.М. Пашкова, 1896. 8 с.

20. Устав Параскеевского убежища для девочек-сирот в г. Сумах. Сумы: Типо-литография К.М. Пашкова, 1899. 7 с.

УДК 37.018.3-058.862:[005.962.1+005.336.2]::(477.52)«1895/1908»

**Очерк истории Параскеевского убежища в Сумах:
негативный опыт благотворительности**

Дмитрий Валерьевич Кудинов

Сумской институт последипломного
педагогического образования, Украина
40070, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 5
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Аннотация. Анализируется учебно-воспитательная и организационная деятельности Параскеевского убежища – приюта для девочек-сирот в Сумах, существовавшего в 1895–1906 гг. На основе архивных документов из фонда Сумской городской думы Государственного архива Сумской области (Украина) выясняются причины негативной постановки педагогического процесса в приюте, а также отсутствия в течение долгого времени влияния со стороны городской власти на возможность изменения материального и нравственного положения воспитанниц. Значительное внимание уделено персоне протоиерея Феоктиста Лашенкова – основного фигуранта конфликта, разгоревшегося вокруг приюта, а также автора подробных записок о его существовании – главного источника информации.

Ключевые слова: Сумская городская дума, убежище, приют, сироты, попечительница, гласные, благотворительность.